

А.И. Прохоров

**ПЕРЕВОДЫ Э. ГУССЕРЛЯ
И ПОРОЖДАЕМЫЕ ИМИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.
ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОНЯТИЯ***

Прохоров Александр Иванович – аспирант кафедры философии и религиоведения. Русская христианская гуманитарная академия. Российская Федерация, 191011, г. Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А; e-mail: eisensarg@mail.ru

Настоящее исследование выполнено на стыке феноменологии и такой дисциплины, как история философского текста. В центре внимания находится статья Э. Гуссерля «Философия как строгая наука» и ее перевод на русский язык. По ряду спорных позиций выполнено сопоставление оригинального текста и трех переводов – русского, французского и английского (американского). На примере нескольких характерных предложений рассматриваются достоинства и недостатки переводов, связанные как с работой переводчиков, так и с принципиальными ограничениями иностранного языка при передаче не только смысловой интенции автора, но и его интонации, являющейся важным элементом философского дискурса, выступающего предметом истории и культуры. Для решения этой задачи привлекается корпус философских сочинений, демонстрирующих, как в немецкой мысли начиная с XVIII в. взаимодействуют два написания одного и того же понятия – *Synthesis* и *Synthese*. Выбор именно этого понятия неслучаен. В ходе текстологического анализа статьи Гуссерля выясняется, что при переводе на русский язык данное понятие исчезает. Его исключение переводчиком приводит к результатам, дающим право говорить о введении в текст статьи интерпретации, способной повлиять на авторский замысел. Конечная цель исследования – показать, как в феноменологической философии Гуссерля соотносятся между собой понятия «синтез», «созерцание», «мышление» и «опыт» и насколько точно в существующих переводах выполнена передача этих соотношений. Достижение намеченной цели позволяет оценить, была ли оправданной интерпретация переводчика, внедренная в текст.

Ключевые слова: Гуссерль, Гессен, Логос, феноменология, синтез, перевод

Для цитирования: Прохоров А.И. Переводы Э. Гуссерля и порождаемые ими интерпретации. История одного понятия // Философский журнал / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 2. С. 160–173.

* Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18–311–00268 «Поэтика философского мышления: культурная парадигма модерна и современные тенденции».

Статья Э. Гуссерля «Философия как строгая наука», ныне признаваемая феноменологами программной, была опубликована в 1911 г. в немецком издании журнала «Логос», и в этом же году выходит ее перевод в русскоязычном варианте международного ежегодника. Автор перевода – С.И. Гессен (1887–1950), один из соучредителей «Логоса»¹. Правда, в самом «Логосе» ни слова не говорится об авторстве перевода, что иногда заставляет исследователей утверждать с осторожностью, что Гессен был переводчиком лишь «предположительно»². Эти сомнения отчасти подкрепляются тем, что Гессен, вспоминая об основных событиях своей жизни в тот период, умалчивает об этой работе, скромно упоминая, что только «правил переводы для “Логоса”»³. Как бы то ни было, очевидно, что именно Гессен выступил редактором, ответственным за качество русскоязычной версии.

Сличая сегодня оригинальный текст статьи и ее перевод, можно догадаться, что тогда, в 1911 г., «счастливая судьба русской гуссерлианы»⁴ еще не успела сложиться в полной мере: перевод не лишен неточностей. Чтобы не быть голословным и в то же время не углубляться в совершенно неуместную критику, можно ограничиться только одним примером. Немецкое слово «Index», дважды встречающееся в тексте⁵, С.И. Гессен оба раза переводит как «перечень», памятуя, видимо, о легендарном «индексе запрещенных книг». И оба раза такой перевод делает текст бессмысленным. В первом случае формальная логика становится «примерным перечнем всего идеального»⁶. (Правильное и очень изящное решение демонстрирует французский перевод, где формальная логика – это «образцовый пример всего идеального»⁷). Во втором случае «перечнем всепроникающего единства»⁸ оказывается единая интенциональная линия имманентного времени, проходящая сквозь неограниченный поток феноменов, составляющих психическое как таковое. Корректным выглядит самый простой путь – оставить слово «индекс» как есть. Этого пути придерживаются и французские⁹, и американские¹⁰ переводчики.

Обилие мелких неточностей можно оправдать той скоростью, с которой пришлось делать перевод столь сложного и запутанного текста. Если сопоставить суммарный искажающий эффект и время выполнения работы, то нужно признать, что со своей задачей С. Гессен справился блестяще. Однако с момента публикации перевода прошло уже более ста лет; время от времени появляются его переиздания, но, в отличие от постоянно совершенствуемого американского перевода, в нашей версии все погрешности твердо стоят

¹ Антология феноменологической философии в России. Т. 1. М., 1997. С. 183.

² См.: Молчанов В.И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания // Молчанов В.И. Исследования по феноменологии сознания. М., 2007. С. 330.

³ Гессен С.И. Мое жизнеописание // «Логос» в истории европейской философии: Проект и памятник. М., 2005. С. 126.

⁴ Черняков А.Г. Феноменология как строгая наука? Парадоксы «последнего обоснования» // Историко-философский ежегодник'2004. М., 2005. С. 363.

⁵ «exemplarischen Index aller Idealität» и «der Index der alldurchdringenden Einheit» (Husserl E. Philosophie als strenge Wissenschaft // Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur. 1910/1911. Bd. 1. H. 3. S. 295, 313).

⁶ Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логос: Международный ежегодник по философии культуры. Кн. 1. М., 1911. С. 7.

⁷ «le parangon de toute idéalité» (Husserl E. La philosophie comme science rigoureuse. Paris, 1993. P. 20).

⁸ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. С. 26.

⁹ «elle-même indice, en quelque sorte, de l'unité qui pénètre tout» (Husserl E. La philosophie comme science rigoureuse. P. 46).

¹⁰ «the index of the all-penetrating unity» (Husserl E. Philosophy as Rigorous Science // The New Yearbook for Phenomenology and Phenomenological Philosophy. 2002. Vol. II. P. 270).

на своих местах. Микроскопический шаг в сторону улучшения был предпринят в публикации 2005 г.: редакторы исправили одно предложение, ссылаясь на рекомендацию В.И. Молчанова¹¹. Но и это завоевание омрачено некоторым казусом. Ведь если воспринимать замечание Молчанова как послание будущим редакторам, складывается странная ситуация: лучший из ныне здравствующих переводчиков Гуссерля находит только одну неточность в переводе Гессена, а все остальные упускает. Конечно же, Молчанов не настаивал на внесении изменений в последующие публикации статьи, но предложил свой перевод одного предложения в качестве примера, проясняющего, как в текстах Гуссерля работают слова *meinen* и *vermeinen*¹².

Быть может, необходимо оставить памятник философского перевода в том виде, в каком он существует с 1911 г., не пытаясь даже снабдить его системой поясняющих примечаний. Ведь как в историческом, так и в философском смысле этот относительно небольшой текст является промежуточным: Гуссерль пишет свою статью уже после издания двухтомника «*Logische Untersuchungen*» (1900–1901) и незадолго до выхода следующей важнейшей работы – «*Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie*» (1913). Русские переводы появлялись постепенно, порой были фрагментарными: первый том «Логических исследований» – 1909 г., первая часть второго тома – с 1997 по 2001 г., вторая часть не переведена по сей день, «Идеи I» – с 1994 по 2009 г. Располагаясь между двумя огромными блестяще переведенными массивами текстов, статья оказывается как бы защищенной ими: если какая-либо часть размышлений автора ускользает по вине переводчика, то внимательное чтение «Исследований» и «Идей» восполняет эту потерю и предотвращает ложные толкования. Так, если параллельно читать оригинал и русский перевод, предварительно ознакомившись и с «Идеями», и с «Исследованиями», то можно почувствовать, как равномерно ткань перевода стелется по монолиту немецкого текста: шероховатости неточностей не вносят губительных искажений в смысл авторского слова, но только подталкивают к более критичному чтению. И все же в одном фрагменте открывается нечто подобное разрыву, мимо которого пройти не удастся.

Вот этот фрагмент в переводе на русский язык:

Только тогда, когда имманентное созерцание и вещный опыт получают словесное выражение, вступают в известное отношение находившийся в созерцании феномен и познанная в опыте вещь¹³.

В оригинале можно обнаружить следующее:

Erst wenn immanente Schauung und dingliche Erfahrung zur Synthese kommen, tritt geschautes Phänomen und erfahrenes Ding in eine Beziehung¹⁴.

Там, где в переводе стоит «*получают словесное выражение*», в оригинале написано нечто отличное по смыслу: «*zur Synthese kommen*», т. е. первая часть предложения должна звучать как «только когда имманентное созерцание и вещный опыт *приходят к синтезу*». Ничего подобного этой подмене нет ни во французском переводе, почти дословно повторяющем оригинал¹⁵, ни в своеобразном англоязычном варианте, где имманентное видение

¹¹ См.: Гуссерль Э. Избранные работы. М., 2005. С. 198, примеч. 4.

¹² Молчанов В.И. Различение и опыт. С. 329–331.

¹³ Гуссерль Э. Философия как строгая наука. С. 26.

¹⁴ Husserl E. Philosophie als strenge Wissenschaft. S. 313.

¹⁵ «le regard immanent et l'expérience des choses sont parvenus à une synthèse» (Husserl E. La philosophie comme science rigoureuse. P. 46).

и опыт физических вещей «синтезируются»¹⁶. Возникает вопрос: что могло заставить переводчика поступить столь радикальным, даже запретным образом – заместить идею автора собственной интерпретацией?

Ситуация усугубляется тем, что понятие «синтез», использованное Гуссерлем, встречается во всей статье только один раз – в этом самом фрагменте. Нигде более не найти даже его производных. Получается, что переводчик по какой-то причине, намеренно или нет, заретушировал единственную прямую отсылку к такой гигантской проблемной области феноменологической философии, как тема синтеза.

Но на этом череда странных совпадений не прерывается. В 1909 г., т. е. еще до выхода статьи «Философия как строгая наука», С.И. Гессен пишет рецензию на первый том «Логических исследований», где между прочим говорится:

Второй том, намечающий основные черты положительной гносеологической теории Гуссерля, не поддается никакому переводу – ввиду трудностей языка и терминологии, осложненной экскурсами грамматического характера, но перевод его и не представляет большой необходимости¹⁷.

Если учесть, во-первых, отмеченное исчезновение понятия «синтез» в переводе 1911 г., во-вторых, то обстоятельство, что как раз во втором томе Гуссерль уделяет теме синтеза особое внимание, в-третьих, что именно в VI Исследовании содержатся важные подсказки, позволяющие в рамках феноменологии Гуссерля установить концептуальную связь между «синтезом» и поставленным на его место «словесным выражением», и, в-четвертых, что это самое VI Исследование до сих пор не переведено на русский язык, то замечание Гессена о невозможности и ненужности перевода второго тома, которое при других обстоятельствах могло бы показаться всего лишь курьезом, приобретает почти пророческие очертания.

Все, что можно сделать сейчас, это привести доводы в пользу внедренной в текст интерпретации, причем так, чтобы эти доводы были основаны на текстах Гуссерля, потенциально доступных переводчику на момент выполнения перевода. Но перед тем, как подойти к этой работе, стоит упомянуть возможную причину такого поведения переводчика. Гипотеза эта покажется парадоксальной, но тем не менее она необходима чисто методически для обеспечения полного охвата предметной области; кроме того, она небезынтересна для такой узкой, но трудной и важной дисциплины, как история философского текста; и, наконец, она инспирирована столь уникальной ситуацией в истории философских переводов, которая может никогда больше не возникнуть. Ее суть сводится к следующему вопросу: быть может, переводчика насторожило само написание слова *Synthese*?

Чтобы разобраться в этом вопросе, предпримем далее анализ истории употребления понятия «синтез» в немецкой философии. Такое внимание к использованию отдельного понятия инспирировано выводами, к которым пришла современная мысль, связанная в равной мере как с феноменологией, так и с исследованиями языка. Складывание в истории культуры такого феномена, как философский текст, определяется его структурой, конститутивными элементами которой, наравне с дискурсивной интенцией автора, являются

¹⁶ «immanent seeing and the experience of physical things have been synthesized» (*Husserl E. Philosophy as Rigorous Science. P. 270*).

¹⁷ Гессен С.И. Рец. на кн.: Гуссерль Э. Логические исследования. Ч. I. Прологомены к чистой логике. Разрешенный автором перевод Э.А. Бернштейн под ред. и с пред. С.Л. Франка. СПб., 1909 // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 102 (II). С. 185.

предпосылки, содержащиеся в философских понятиях, формирующих индивидуальный авторский лексикон. При стандартном типе чтения эти предпосылки скрыты на дорефлексивных и допредикативных структурных уровнях – как раз там, куда простирает свои амбиции феноменология. Выход на эти уровни не всегда очевиден, а их освоение – процесс кропотливый. Работа с понятиями должна предельно конкретизироваться; отсюда необходимость в каждом отдельном случае всматриваться в те аспекты, которые могут не участвовать в прямолинейном оформлении терминологического смысла, но влияют на индивидуальную историю понятия и уже через нее – на дискурсивный уровень текста. Разумеется, это значимо в отношении феноменологии, которая стремится к прояснению не только предпосылок своего предмета, но и предпосылок применяемого ею метода.

В немецком языке есть две формы того, что на русский язык переводится словом «синтез», – *Synthese* и *Synthesis*. Оба «синтеза» – это два разных способа передачи одного греческого корня: написание *Synthesis* без изменений перенесено из латыни и восходит к древнегреческому слову *σύνθεσις*, которое встречается у Аристотеля, тогда как *Synthese* – это копия с французского *synthèse*, закрепившегося в качестве термина уже в XVII в.¹⁸

Написание *Synthesis* закрепляется в лексиконе философии, к XVIII в. постепенно перешедшей с латыни на немецкий, благодаря Канту. Показательна в этом отношении его «Критика чистого разума» (1781): Кант употребляет только понятие *Synthesis*, парой которому выступает *Analysis*; также используя однокоренные термины *Thesis* и *Antithesis*. При этом слово «гипотеза», полностью сохраняющее греческий корень, но уже не имеющее терминологического значения, получает написание *Hurothese*. Буквальный перенос латинского термина придает тексту оттенок респектабельности. Высокий философский классицизм проявляется стилистически, в самой манере письма.

Фихте также верен написанию *Synthesis*, но симметрия понятий у него уже нарушается: вместо *Analysis* он использует *Analyse*, а форма *Antithese* встречается у него не многим реже, чем *Antithesis*. Упорствование в написании латинизированного *Synthesis* в сочетании со свободным обращением к французским производным смежных понятий указывает на внутреннюю потребность философа поддерживать линию преемственности с Кантом и вместе с тем желание явить свой собственный почерк, отвечающий зову времени. И все же в собрании сочинений Фихте можно обнаружить фрагмент, где появляется написание *Synthese*. Происходит это в работе «Ясное, как солнце, сообщение широкой публике о сущности новейшей философии» (1801). Легкое, не характерное для Фихте написание *Synthese* выскальзывает из-под пера в «Послесловии»¹⁹, когда строгая философская работа уже завершена и слово берет вдохновенный оратор.

Написание *Synthese* приходит в немецкую философию иными путями. В конце XVIII в. эта форма встречается на страницах газет, в обзорах проблем философии или физики, попадает она и в переведенных с французского работах по хирургии. Но еще раньше *Synthese* можно найти в переводах Лейбница, сделанных до выхода «Критики чистого разума»²⁰.

¹⁸ S.v. *synthese* // Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. URL: <https://clck.ru/CDYEP> (дата обращения: 22.12.2017).

¹⁹ *Fichte J.G.* Sonnenklarer Bericht an das grössere Publicum, über das eigentliche Wesen der neuesten Philosophie. Ein Versuch, die Leser zum Verstehen zu zwingen // *Fichte J.G.* Sämtliche Werke. Bd. 2. Berlin, 1845. S. 414.

²⁰ *Leibniz G.W. von.* Philosophische Werke nach Raspens Sammlung. Bd. 2. Halle, 1780. S. 238, 257.

Первым из значительных немецких авторов, ставшим активно применять написание *Synthese*, был вдохновитель йенских романтиков Новалис. В его «Философских штудиях» (1795–1796) встречается и *Synthesis* – Новалис обращается к этому варианту не менее тридцати раз, – но на страницах этой работы, соединенной из многих отдельных фрагментов, можно насчитать не менее ста двадцати использований *Synthese*.

Новалис умирает в 1801 г., именно тогда, когда «общепризнанный глава романтической школы»²¹ Шеллинг приступает к чтению лекций по эстетике и затем, с 1802 по 1805 г., пишет свою «Философию искусства». До появления этой работы, изданной только в 1859 г., Шеллинг верен строгой форме *Synthesis*. Несмотря на то что он часто использует слова *Analyse* и *Antithese* наравне с *Analysis* и *Antithesis*, написание *Synthese* встречается крайне редко – в примечаниях к работе «Изложение моей философской системы» все того же 1801 г. и в записях лекций 1803 г. Но в «Философии искусства» происходит настоящий «прорыв» *Synthese*: Шеллинг обращается к этому написанию двадцать один раз против одиннадцати употреблений *Synthesis*.

Влияние Новалиса на Шеллинга в такой стилистической тонкости, как написание одного-единственного слова, маловероятно. Важно другое. Период создания «Философии искусства» совпадает с переходом Шеллинга от трансцендентального идеализма к философии тождества²², т. е. принципиальный разрыв с Кантом отражается у Шеллинга даже в манере письма.

Торжество французского *Synthese* над латинским *Synthesis* на страницах философских трактатов, приходящееся на период расцвета немецкого романтизма, можно понять как глубинный отклик на тот большой культурный процесс, внешние очертания которого обозначены вполне определенно: романтизм в Германии начинается раньше, чем во Франции, но возникает как реакция на события Великой французской революции. К середине XIX в. немецкий романтизм постепенно уступает место новым тенденциям, но написание *Synthese*, уже закрепившись в языке, не уходит из работ мыслителей. С этого времени присутствие в тексте латинской формы *Synthesis* – именно за счет контраста с *Synthese* – или прямо указывает на кантовский след, или позволяет на уровне интонации уловить особый философический настрой автора, когда тому хочется заговорить академически выдержанным тоном, невольно отсылающим к образу Канта. В русском, французском и английском языках такая полезная в рамках герменевтики возможность закрыта.

У Гегеля в «Науке логики» оба написания первоначально появляются только в третьей книге. *Synthesis* вводится с именем Канта²³ и закрепляется в качестве доминирующей формы, но к концу повествования, когда рассмотрение позиции Канта остается позади, на сцену выходит французский двойник – книгу закрывает *Synthese*²⁴. Нечто подобное происходит и во втором издании. Оба варианта оказываются добавленными в первую книгу в ходе ее переработки. Сначала появляется *Synthesis*, в еще более плотной

²¹ Попов П.С. Состав и генезис «Философии искусства» Шеллинга // Шеллинг Ф. Философия искусства. М., 1966. С. 5.

²² Там же. С. 8.

²³ «Kant hat diese Betrachtung durch den höchst wichtigen Gedanken eingeleitet, daß es synthetische Urteile a priori gebe. Diese ursprüngliche *Synthesis* der Apperception ist eines der tiefsten Prinzipien für die spekulative Entwicklung» (Hegel G.W.F. Wissenschaft der Logik. Bd. 2. Nürnberg, 1816. S. 20).

²⁴ Ibid. S. 316, 371, 381, 385.

соотнесенности с Кантом: «die kantische *Synthesis*»²⁵. Что касается *Synthese*, то это написание Гегель дважды использует в конце первого раздела²⁶ в ходе обсуждения статьи Якоби²⁷ по поводу невозможности синтеза и один раз во втором разделе²⁸. На первый случай стоит обратить внимание, потому что Якоби, почти на каждой странице своей статьи работая с понятием синтеза, ни разу не прибегает к написанию *Synthese*. Однако если вблизи имени Канта почти все авторы сразу пишут *Synthesis*, то в случае Якоби подобного не происходит – приводя обширные цитаты и делая ссылки на конкретные страницы, Гегель, давая комментарии, свободно варьирует *Synthesis* и *Synthese*.

Имеет смысл привести еще один показательный пример. Речь идет о «Логике» Зигварта. Гуссерль неоднократно цитирует это сочинение в первом томе «Логических исследований», и именно в прямой цитате из Зигварта единственный раз появляется слово «синтез». И это вариант *Synthese*²⁹.

«Логика» Зигварта представляет собой крайне сложный случай переплетения *Synthesis* и *Synthese*. Написание *Synthese* здесь преобладает, но и форма *Synthesis*, используемая автором двадцать два раза, не выглядит случайной. В этой книге, пусть и в несколько смягченном виде, срабатывает уже описанная реакция: стоит Зигварту процитировать Канта или упомянуть его, как тут же включается форма *Synthesis*, продолжая как бы по инерции действовать некоторое время и при переходе к другим вопросам³⁰. Это же случается, когда речь заходит о специфически кантовской проблематике³¹.

Современный исследователь Д. Моран говорит в своем «Словаре Гуссерля», что понятие «синтез» основатель феноменологии «позаимствовал напрямую у Канта»³². Если бы это высказывание было размещено не во введении, а в самой статье «*Synthesis*»³³, следовало бы посоветовать, что утверждение автора несколько тривиально. Дело в том, что в первой из опубликованных работ Гуссерля «О понятии числа» *Synthesis* появляется в прямой цитате из «Критики чистого разума»³⁴. Тогда еще Гуссерль не использует форму *Synthese*. Работа реабилитационная, и высокий академический стиль только украшает ее. Гуссерль обращается к альтернативному написанию во второй своей работе «Философия арифметики» (1891). Здесь *Synthese* встречается только два раза³⁵, после сорока употреблений *Synthesis*. И здесь же можно наблюдать ситуацию «финального аккорда», как в примерах с Фихте и Гегелем: после двойного употребления *Synthese* тема синтеза в работе больше не поднимается. В том же году Гуссерль публикует статью «О понятии операции», где используется только *Synthese*, правда, всего два раза³⁶.

²⁵ Hegel G.W.F. *Wissenschaft der Logik*. Tl. 1. Berlin, 1841. S. 89.

²⁶ Ibid. S. 91.

²⁷ Jacobi F.H. *Über das Unternehmen des Criticismus, die Vernunft zu Verstande zu bringen* // *Jacobi F.H. Werke*. Bd. 3. Leipzig, 1816. S. 59–195.

²⁸ Hegel G.W.F. *Wissenschaft der Logik*. Tl. 1. S. 233.

²⁹ Husserl E. *Logische Untersuchungen*. Tl. 1: *Prolegomena zur reinen Logik*. Leipzig, 1900. S. 130.

³⁰ Sigwart Ch. *Logik*. Bd. 1. Tübingen, 1873. S. 104, 108, 109, 356, 361, 362.

³¹ Ibid. S. 149, 363.

³² Moran D., Cohen J. *The Husserl dictionary*. L., 2012. P. 1.

³³ Указывая оригинальное немецкое написание, Моран игнорирует существование *Synthese*, оставляя место только *Synthesis* (Moran D., Cohen J. Op. cit. P. 312–313).

³⁴ Husserl E. *Über den Begriff der Zahl, Psychologische Analysen*. Halle a. S., 1887. S. 28.

³⁵ Husserl E. *Philosophie der Arithmetik. Psychologische und logische Untersuchungen*. Bd. 1. Halle (Saale), 1891. S. 117, 137.

³⁶ Husserl E. *Zum Begriff der Operation* // *Husserliana XII*. Haag, 1970. S. 422, 425.

Следующие по времени выхода работы – два тома «Логических исследований». О цитировании Зигварта в первом томе уже было сказано. Во втором томе *Synthesis* получает абсолютное преобладание. Написание *Synthese* употребляется всего шесть раз и только в VI Исследовании³⁷. На чисто случайное возникновение *Synthese* косвенно указывает то, что эта форма не появляется ни в одном из параграфов, где внимание специально акцентировано на проблеме синтеза³⁸.

Краткий экскурс в историю эстетики немецкого философского текста показал, что выбор того или иного написания – это вопрос интонации и стиля, находящих место даже в теоретических работах, преследующих идеал строгой научности, но не чуждых при этом художественной выразительности. Мотивы, действие которых способно распространяться вплоть до регулирования формы написания слова, могут быть разными: это и цитирование, и идейный пафос, и жанровые рамки. Пересечение мотивов пресекает возможность однозначного объяснения того или иного авторского выбора, позволяя строить предположения только на уровне общих тенденций. Эти тенденции различимы и в наследии Гуссерля. Начиная с Канта и с соответствующего написания *Synthesis*, Гуссерль, пережив в зрелый период «трансцендентальный поворот», снова возвращается к Канту – как к основоположнику трансцендентализма и как символу особого стиля философствования. На фоне этого процесса появления *Synthese* выглядят, скорее, исключениями. В корпусе сочинений Гуссерля можно найти только две работы, где прослеживается явное и настойчивое преобладание *Synthese*. Первая – «Анализ пассивного синтеза», где *Synthese* выходит вперед с большим отрывом и несмотря на то, что форма *Synthesis* фигурирует в названии. Вторая – «Картезианские размышления». В обеих работах преобладание *Synthese* оказывается крайне символичным. Если «Анализ» – это книга, составленная из текстов лекций и манускриптов 1918–1926 гг., т. е. материалов, возникших принципиально отличным от процесса создания монолитного академического труда путем, то «Размышления» вообще вырастают из подготовительных набросков к докладам, прочитанным в 1929 г. в Париже, таким образом написание *Synthese* спустя годы мытарств в каком-то смысле возвращается на родную французскую почву.

Итак, объективные и строго доказуемые мотивы, которые могли бы заставить переводчика статьи «Философия как строгая наука» вычеркнуть слово «синтез» из перевода, основываясь только на форме его написания, отсутствуют. Если искусственно усугублять ситуацию и на месте С. Гессена представлять «русского эпигона неокантианцев»³⁹, построения которого «обесподила отравка трансцендентализма»⁴⁰, то в итоге вместо человека, проходившего обучение в Германии у лучших учителей, можно увидеть пример почти болезненной педантичности. Тогда можно дойти до комического предположения, будто переводчик, увидев, что слово «синтез» написано иначе, чем его писал *сам Кант*, мог решить, что автор – не являющийся неокантианцем – не может трезво рассуждать о таком понятии, как синтез, и имеет в виду что-то совершенно другое. К счастью, подобного рода измышление представляет собой явный абсурд. Но даже если бы пришлось защищать С. Гессена от подобного обвинения, то следовало бы указать, что

³⁷ Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd. 2. Tl. 2. Halle a. d. S., 1921. S. 64, 85, 120, 170, 175.

³⁸ §12 и §14 по изданию 1901 г., в более поздних изданиях нумерация части параграфов изменена. См.: Husserl E. Logische Untersuchungen. Tl. 2. Halle a. d. S., 1901.

³⁹ См.: Антология феноменологической философии в России. Т. 1. С. 9.

⁴⁰ Зеньковский В. История русской философии. М., 2001. С. 664.

его наставник Г. Риккерт, с основными работами которого Гессен должен был быть хорошо знаком, одинаково свободно использовал как *Synthesis*, так и *Synthese*⁴¹.

Возвращаясь к работе с имеющей место интерпретацией, в результате которой «синтез» стал «словесным выражением», остается попытаться отыскать концептуальные доводы в ее пользу. И лучше всего будет сделать это, по необходимости быстро восстановив интернациональную справедливость. Сколько критических замечаний уже было сделано по поводу русского перевода, а английский и французский варианты только ставились в пример качественно выполненной работы. Дело в том, что искомое предложение будто и в самом деле содержит какую-то аномалию. Во французском переводе оно также становится источником казуса, последствия которого для французского феноменолога могут оказаться несравненно более драматическими, чем для русского читателя.

Получив печатную копию своей статьи, Гуссерль оставил в ней многочисленные маргиналии. Все они впоследствии были представлены в XXV томе «Гуссерлианы»⁴². И на полях, как раз напротив той строчки, где заканчивается рассматриваемое предложение, Гуссерль поставил примечание: «*психологическая апперцепция*»⁴³. Получив такую подсказку, искомое предложение можно прочитать следующим образом: «Только когда имманентное созерцание и вещный опыт приходят к синтезу, тогда вступают в отношение находившийся в созерцании феномен и познанная в опыте вещь». И в соответствии с пометкой автора, отношение феномена и познанной вещи есть не что иное, как психологическая апперцепция. «Синтез» здесь предшествует некоторой связи, выступая ее условием, и, соответственно, предшествует апперцепции.

Во французском переводе издатели воспроизвели все маргиналии Гуссерля и разместили их в тексте в виде примечаний. И то самое примечание о психологической апперцепции осталось аккуратно прикрепленным к концу предложения. Но порядок предложения изменился. Схема «только когда А, тогда Б» в переводе дана в обратном порядке: «тогда Б, только когда А». Сумма слагаемых от перестановки не поменялась, но случилось нечто неожиданное – примечание на полях, о котором как будто позабыли, попало прямо на слово «*synthèse*»⁴⁴. Психологической апперцепцией стал сам синтез, и теперь уже психологическая апперцепция предшествует отношению феномена и познанной вещи. Но что из этого следует?

Основной посыл статьи Гуссерля, посвященной борьбе с психологизмом и релятивизмом, можно в общих чертах сформулировать так: строгое научное познание принципиально достижимо только в том случае, если оно осуществляется в понятиях, полученных не в результате индуктивного обобщения психологически детерминированного опыта, а имеющих непосредственное отношение к сущностям, которые не зависят ни от психофизического состояния мыслящего субъекта, ни от состояния мыслимой этим субъектом «природы». Познание как таковое, познание абсолютное фундируется не в переживаемом опыте (хотя само оно переживается), но в сущностном созерцании, которое от опыта не зависит. И выражается это

⁴¹ Rickert H. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Eine logische Einleitung in die historischen Wissenschaften. H. 1. Freiburg i. B.; Leipzig, 1896. S. 344, 678.

⁴² Husserl E. Philosophie als strenge Wissenschaft. Textkritische Anmerkungen // Husserliana XXV. Dordrecht, 1987. S. 337–338.

⁴³ «25 Handexemplar Randbemerkung psychologische Apperzeption» (Ibid. S. 30).

⁴⁴ Husserl E. La philosophie comme science rigoureuse. P. 46.

сущностное познание в «прямых понятиях»⁴⁵, которые отсылают не к опыту, а к самим сущностям и их отношениям и всегда могут быть преобразованы в сущностное созерцание.

Мысль Гуссерля, что сущностное познание предшествует познанию психофизическому⁴⁶, во французском переводе ставится под сомнение от имени самого Гуссерля еще до того, как он успел ее высказать. И этот небольшой сдвиг логически приводит к тому, относительно чего Гуссерль предостерегал, когда говорил, что давать эмпирически-естественно-научный (и, соответственно, психологический) ответ на вопрос о причинах единства предмета во множественности явлений – значит этот вопрос «не понять и обесмыслить»⁴⁷.

Сколь бы несовершенен ни был русский перевод, но такие концептуальные недочеты там отсутствуют. Пускай переводчик по какому-то недоразумению нейтрализовал тему синтеза, являющуюся в этой статье лишь на один миг, но своей интерпретацией он совершил нечто другое. Он сумел сконцентрировать в одном предложении ту проблематику связи сущности и ее понятийного выражения, которая у Гуссерля рассредоточена по всей статье. Установив «словесное выражение» перед «психологической апперцепцией», он подчеркнул фундаментальную связь языка с априорными структурами сознания. Этот момент принципиален для всего феноменологического проекта, так как обеспечивает феноменологическому аналитику возможность созерцательного проникновения в «те феномены, которые язык обозначает словами»⁴⁸. В искаженном русском переводе высвечивается то, что в оригинале теряется на фоне мощного движения общей программы феноменологической философии – теряется настолько, что вновь приоткрывается комментаторами только спустя годы в «семантическом прочтении» понятия синтеза⁴⁹. Проблема места, которое язык занимает по отношению к таким областям феноменологического анализа, как мышление и созерцание, опыт и переживание, начинает разрабатываться Гуссерлем еще в «Исследованиях», но именно здесь – и с особенной экспрессией в переводе – обретает лаконичную форму законченной терминологической фиксации. Некий важный этап в развитии феноменологии оказывается завершенным, поэтому Гуссерль в последующих своих работах закономерно покидает лингвистическую сферу.

Ранее было указано, что в VI Исследовании содержатся размышления, способные оправдать переводчика. В самом конце этой книги имеется высказывание, в котором мысль Гуссерля почти дословно совпадает с интерпретацией переводчика. Оно звучит так:

В созерцании вещей мы выполняем выносящий суждение синтез – интуитивное “это так” или “это не так” – таким образом, что выражающая интенция этим актом созерцания положений вещей приводится в соответ-

⁴⁵ «direkte Begriffe» (*Husserl E. Philosophie als strenge Wissenschaft. S. 314*; в русском переводе упущено).

⁴⁶ «Психофизическое (т. е. психологическое в обычном смысле) познание предполагает уже сущностное познание психического» (*Гуссерль Э. Философия как строгая наука. С. 34*).

⁴⁷ Там же. С. 31.

⁴⁸ Там же. С. 18.

⁴⁹ Два основных постулата этого «семантического прочтения» Дж. Лэмперт излагает следующим образом: «(а) синтез – это механизм фиксации референтов выражений, (б) референты идентифицируются в лингвистических актах» (*Lampert J. Synthesis and backward reference in Husserl's Logical investigations. Dordrecht; Boston, 1995. P. 23*).

стве с ассоциированными словоизъявлениями (т. е. грамматическими выражениями), осуществляясь в качестве познания созерцаемого положения вещей⁵⁰.

Старое немецкое слово *Wortlaut* несколько вычурно переведено здесь как «словоизъявление» – чтобы не смешивать его с такими понятиями, как высказывание или выражение, для которых Гуссерль использует другие слова. Но авторское пояснение в скобках показывает, что это слово и есть то самое «словесное выражение», которое переводчик поставил на место «синтеза». В данном предложении сбывается то, к чему в общем порыве стремятся оригинал и перевод, – синтез и словесное выражение получают однозначное определение своего взаимного положения. Разумеется, С. Гессен мог знать об этой формулировке, но видел ли он ее на самом деле, дочитав до конца огромный текст, который считал непригодным для понимания и перевода, остается лишь догадываться.

Выполненное в статье «Философия как строгая наука» и подчеркнутое в русском переводе указание, как некоторые фундаментальные качества языка могут быть выведены за пределы мышления (для этого занимается позиция «созерцать – это как раз не мыслить»⁵¹), подсказывает наличие методологического шанса на приведение к данности, различение и взаимное истолкование вещественного, феноменального и трансцендентального уровней языка, что в сумме образует его феноменологическую реализацию. И если семена такой дисциплины, как феноменология языка, когда-нибудь не только дадут всходы, но и принесут богатые плоды, то историк философии должен будет вспомнить, что один из первых ее загадочных ростков пробился в России в 1911 г.

Список литературы

Антология феноменологической философии в России. Т. 1 / Сост., общ. ред., предисл. и коммент. И.М. Чубарова. М.: Логос, 1997. 512 с.

Гессен С.И. Рец. на кн.: Гуссерль Э. Логические исследования. Ч. I: Прологомены к чистой логике. Разрешенный автором перевод Э.А. Бернштейн под ред. и с предисл. С.Л. Франка. СПб., 1909 // Вопросы философии и психологии. 1910. Кн. 102 (II). С. 185–188.

Гессен С.И. Мое жизнеописание // «Логос» в истории европейской философии: Проект и памятник / Под ред. Н.С. Плотникова. М.: Территория будущего, 2005. С. 125–128.

Гуссерль Э. Философия как строгая наука / Пер. с нем. С. Гессена // Логос: Международный ежегодник по философии культуры. Кн. 1. М.: Мусaget, 1911. С. 1–56.

Гуссерль Э. Избранные работы / Сост. В.А. Куренной. М.: Территория будущего, 2005. 464 с.

Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2011. 565 с.

Зеньковский В. История русской философии. М.: Академический проект; Раритет, 2001. 880 с.

Молчанов В.И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания // Молчанов В.И. Исследования по феноменологии сознания. М.: Территория будущего, 2007. С. 197–454.

⁵⁰ Husserl E. Logische Untersuchungen. Tl. 2. S. 678.

⁵¹ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания. М., 2011. С. 153.

Попов П.С. Состав и генезис «Философии искусства» Шеллинга // Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. С. 5–18.

Черняков А.Г. Феноменология как строгая наука? Парадоксы «последнего обоснования» // Историко-философский ежегодник'2004. М.: Наука, 2005. С. 360–400.

Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. URL: <https://clck.ru/CDYEP> (дата обращения: 22.12.2017).

Fichte J.G. Sonnenklarer Bericht an das grössere Publicum, über das eigentliche Wesen der neuesten Philosophie. Ein Versuch, die Leser zum Verstehen zu zwingen // Fichte J.G. Sämtliche Werke. Bd. 2. Berlin: Verlag von Veit und Comp., 1845. S. 323–420.

Hegel G.W.F. Wissenschaft der Logik. Bd. 2. Nürnberg: Johann Leonhard Schrag, 1816. 404 S.

Hegel G.W.F. Wissenschaft der Logik. Tl. 1. Berlin: Verlag von Duncker und Humblot, 1841. 344 S.

Husserl E. Philosophie der Arithmetik. Psychologische und logische Untersuchungen. Bd. 1. Halle (Saale): C.E.M. Pfeffer (Robert Stricker), 1891. 324 S.

Husserl E. Über den Begriff der Zahl, Psychologische Analysen. Halle a. S.: Heynemann'sche Buchdruckerei (F. Beyer), 1887. 66 S.

Husserl E. Logische Untersuchungen. Tl. 1: Prolegomena zur reinen Logik. Leipzig: Verlag von Veit & Comp, 1900. 260 S.

Husserl E. Logische Untersuchungen. Tl. 2. Halle a. d. S.: Max Niemeyer, 1901. 720 S.

Husserl E. Philosophie als strenge Wissenschaft // Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur. 1910/1911. Bd. 1. H. 3. S. 289–341.

Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd. 2. Tl. 2. Halle a. d. S.: Max Niemeyer, 1921. 244 S.

Husserl E. Zum Begriff der Operation // Husserliana XII. Haag: Martinus Nijhoff, 1970. S. 408–429.

Husserl E. Philosophie als strenge Wissenschaft // Husserliana XXV. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987. S. 3–62.

Husserl E. Philosophie als strenge Wissenschaft. Textkritische Anmerkungen // Husserliana XXV. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987. S. 337–338.

Husserl E. La philosophie comme science rigoureuse / Introd., trad. et comm. par Q. Lauer. Paris: Presses Universitaires de France, 1993. 94 p.

Husserl E. Philosophy as Rigorous Science / Trans. by M. Brainard // The New Yearbook for Phenomenology and Phenomenological Philosophy. 2002. Vol. II. P. 249–295.

Jacobi F.H. Über das Unternehmen des Criticismus, die Vernunft zu Verstande zu bringen // Jacobi F.H. Werke. Bd. 3. Leipzig: Gerhard Fleischer d. Jüng, 1816. S. 59–195.

Lampert J. Synthesis and backward reference in Husserl's Logical investigations. Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publ., 1995. 222 p.

Leibniz G.W. von. Philosophische Werke nach Raspers Sammlung. Bd. 2. Halle: Verlegt und gedruckt bei Johann Christian Hendel, 1780. 654 S.

Moran D., Cohen J. The Husserl dictionary. L.: Continuum International Publishing Group Ltd., 2012. 376 p.

Rickert H. Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Eine logische Einleitung in die historischen Wissenschaften. H. 1. Freiburg i. B.; Leipzig: Akademische Verlagsbuchhandlung von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1896. 746 S.

Sigwart Ch. Logik. Bd. 1. Tübingen: Verlag der H. Laupp'schen Buchhandlung, 1873. 420 S.

**Translations of Husserl and the interpretations they beget.
A case study of one concept***

Aleksandr I. Prokhorov

Russian Christian Academy for the Humanities. 15 A Fontanka river emb., St. Petersburg, 191011, Russian Federation; e-mail: eisensarg@mail.ru

The present study is carried out at the junction of phenomenology and a notably rare discipline – the history of the philosophical text. The main focus is on Husserl’s “Philosophy as a Rigorous Science” and its translation into Russian. A comparison of the original text and its translation into three languages (Russian, French, and English) is provided with special attention to a number of disputable positions. The advantages and disadvantages of each of the aforementioned translations are explored. Using several illustrative sentences, the author reveals a number of shortcomings in the translations that originate from principled limitations in the ability of a different language to convey not just Husserl’s intentional meanings, but also his intonation, which was an important part of his philosophical discourse. The history of the interaction of *Synthesis* and *Synthese* as two different lexicalizations of one and the same notion is explored on a corpus of German philosophical writings going back to the 18th century. The choice of this particular notion is not accidental. It is shown that this very notion disappears in the Russian translation. The author explores the results of this exclusion and argues that it affected Husserl’s original master plan. The ultimate goal of the paper is to reveal the interconnections that the notions “synthesis”, “intuition”, “thought” and “experience” have in Husserl’s philosophy and to explore the extent to which these interconnections are reflected in the translations. This investigation shows a way to assess the interpretation proposed by a given translator as justified or unjustified.

Keywords: Husserl, Hessen, Logos, phenomenology, Synthesis, Synthese, translation

For citation: Prokhorov, A. I. “Filosofskoe epistol’noye nasledstvo: fenomen ledi Viktorii Uelbi” [Translations of Husserl and the interpretations they beget. A case study of one concept], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2019, Vol. 12, No. 2, pp. 160–173. (In Russian)

References

Chernyakov, A. G. “Fenomenologiya kak strogaya nauka? Paradoksy ‘poslednego obosnovaniya’” [Phenomenology as Rigorous Science? Paradoxes of the ‘last justification’], *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 2004. Moscow: Nauka Publ., 2005, pp. 360–400. (In Russian)

Chubarov, I. M. (ed.) *Antologiya fenomenologicheskoi filosofii v Rossii* [Anthology of phenomenological philosophy in Russia], Vol. 1. Moscow: Logos Publ., 1997. 512 pp. (In Russian)

Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm [https://clck.ru/CDYEP, accessed on 22.12.2017].

Fichte, J. G. “Sonnenklarer Bericht an das grössere Publicum, über das eigentliche Wesen der neuesten Philosophie. Ein Versuch, die Leser zum Verstehen zu zwingen”, in: J. G. Fichte, *Sämmtliche Werke*, Bd. 2. Berlin: Verlag von Veit und Comp., 1845, S. 323–420.

Gessen, S. I. “Moe zhizneopisanie” [My biography], ‘Logos’ v istorii evropeiskoi filosofii: *Proekt i pamyatnik* [‘Logos’ in the history of European philosophy. Project and monument], ed. by N. S. Plotnikov. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2005, pp. 125–128. (In Russian)

* The article has been prepared for publication with financial support from the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project № 18–311–00268 “The Poetics of Philosophical Thinking: The Cultural Paradigm of the Modern Age and Contemporary Trends”.

Gessen, S. I. "Review: Husserl E. Logical Investigations. Pt. 1: Prolegomena to Pure Logic, trans. by E. Bernshtein, ed. by S. Frank. St. Petersburg, 1909", *Voprosy filosofii i psikhologii*, 1910, Bk. 102(II), pp. 185–188. (In Russian)

Hegel, G. W. F. *Wissenschaft der Logik*, Bd. 2. Nürnberg: Johann Leonhard Schrag, 1816. 404 S.

Hegel, G. W. F. *Wissenschaft der Logik*, Tl. 1. Berlin: Verlag von Duncker und Humblot, 1841. 344 S.

Husserl, E. *Über den Begriff der Zahl, Psychologische Analysen*. Halle a. S.: Heynemann'sche Buchdruckerei (F. Beyer), 1887. 66 S.

Husserl, E. *Philosophie der Arithmetik. Psychologische und logische Untersuchungen*, Bd. 1. Halle (Saale): C.E.M. Pfeffer (Robert Stricker), 1891. 324 S.

Husserl, E. *Logische Untersuchungen*, Tl. 1: Prolegomena zur reinen Logik. Leipzig: Verlag von Veit & Comp., 1900. 260 S.

Husserl, E. *Logische Untersuchungen*, Tl. 2. Halle a. d. S.: Max Niemeyer, 1901. 720 S.

Husserl, E. "Philosophie als strenge Wissenschaft", *Logos. Internationale Zeitschrift für Philosophie der Kultur*, 1910/1911, Bd. 1, H. 3, S. 289–341.

Husserl, E. "Filosofiya, kak stroгая nauka" [Philosophy as Rigorous Science], trans. by S. I. Gessen, *Logos: Mezhdunarodnyi ezhegodnik po filosofii kul'tury* [Logos: International Yearbook on the Philosophy of Culture], Bk. 1. Moscow: Musaget Publ., 1911, pp. 1–56. (In Russian)

Husserl, E. *Logische Untersuchungen*, Bd. 2, Tl. 2. Halle a. d. S.: Max Niemeyer, 1921. 244 S.

Husserl, E. "Zum Begriff der Operation", *Husserliana XII*. Haag: Martinus Nijhoff, 1970, S. 408–429.

Husserl, E. "Philosophie als strenge Wissenschaft", *Husserliana XXV*. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987. S. 3–62.

Husserl, E. "Philosophie als strenge Wissenschaft. Textkritische Anmerkungen", *Husserliana XXV*. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987, S. 337–338.

Husserl, E. *La philosophie comme science rigoureuse*, introd., trad. et comm. par Q. Lauer. Paris: Presses Universitaires de France, 1993. 94 p.

Husserl, E. "Philosophy as Rigorous Science", trans. by M. Brainard, *The New Yearbook for Phenomenology and Phenomenological Philosophy*, 2002, Vol. II, pp. 249–295.

Husserl, E. *Izbrannye raboty* [Collected works], ed. by V. A. Kurennoi. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2005. 464 pp. (In Russian)

Husserl, E. *Logicheskie issledovaniya*, T. 2, Ch. 1: Issledovaniya po fenomenologii i teorii poznaniya [Logical Investigations, Vol. 2, Pt. 1: Investigations in Phenomenology and Knowledge], trans. by V. I. Molchanov. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ., 2011. 565 pp. (In Russian)

Jacobi, F. H. "Über das Unternehmen des Criticismus, die Vernunft zu Verstande zu bringen", in: F. H. Jacobi, *Werke*, Bd. 3. Leipzig: Gerhard Fleischer d. Jüng, 1816, S. 59–195.

Lampert, J. *Synthesis and backward reference in Husserl's Logical investigations*. Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publ., 1995. 222 p.

Leibniz, G. W. von. *Philosophische Werke nach Raspens Sammlung*, Bd. 2. Halle: Verlegt und gedruckt bei Johann Christian Hendel, 1780. 654 S.

Molchanov, V. I. "Razlichenie i opyt: fenomenologiya neagressivnogo soznaniya" [Distinguishing and experience. The phenomenology of non-aggressive consciousness], in: V. I. Molchanov, *Issledovaniya po fenomenologii soznaniya* [Studies on the phenomenology of consciousness]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2007, pp. 197–454. (In Russian)

Moran, D. & Cohen, J. *The Husserl dictionary*. London: Continuum International Publishing Group Ltd., 2012. 376 pp.

Popov, P. S. "Sostav i genezis 'Filosofii iskusstva' Shellinga" [Composition and genesis of Schelling's Philosophy of Art], in: F. Schelling, *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. Moscow: Mysl' Publ., 1966, pp. 5–18. (In Russian)

Rickert, H. *Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Eine logische Einleitung in die historischen Wissenschaften*, H. 1. Freiburg i. B.; Leipzig: Akademische Verlagsbuchhandlung von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1896. 746 S.

Sigwart, Ch. *Logik*, Bd. 1. Tübingen: Verlag der H. Laupp'schen Buchhandlung, 1873. 420 S.

Zenkovskii, V. *Istoriya russkoi filosofii* [History of Russian Philosophy]. Moscow: Akademicheskii Proekt Publ.; Raritet Publ., 2001. 880 pp. (In Russian)